

**ПИСЬМА В. Я. ПРОППА (1965–1970)
Л. М. ИВЛЕВОЙ И А. Ф. НЕКРЫЛОВОЙ
(подгот. текста и коммент. А. Ф. Некрыловой)¹**

Лариса Михайловна Ивлева (1944–1995) — последняя, любимая ученица В. Я. Проппа. Она поступила в 1963 г. на русское отделение филологического факультета Ленинградского университета и со второго курса занималась в семинаре В. Я. Проппа. Переписка с Владимиром Яковлевичем велась на протяжении пяти лет и завершилась с кончиной Владимира Яковлевича.

В 1970 г. Лариса Михайловна пришла в Zubовский институт (тогда научно-исследовательский отдел Ленинградского института театра, музыки и кинематографии — НИО ЛГИТМиК), в рожденный за год до этого В. Е. Гусевым сектор фольклора. Сначала как стажер-исследователь, позднее — научный сотрудник, а последние два года исполняла обязанности заведующего сектором фольклора РИИИ.

Незадолго до своей трагической гибели Лариса Михайловна передала письма Владимира Яковлевича в Кабинет рукописей РИИИ (ф. 1, оп. 2, № 230). Из писем, хранящихся там, мы выбрали пятнадцать, поскольку в остальных (а это по большей части открытки, короткие записки, адресованные в больницу) речь идет исключительно о состоянии здоровья Ларисы Михайловны; в них советы, ободряющие слова, вопросы о том, что можно и нужно принести (от продуктов до книг, просьбы регулярно информировать («посылать краткие бюллетени») о самочувствии, ходе лечения и пр.

Публикуемые письма приводятся без купюр, с сохранением орфографии и пунктуации оригинала. Подчеркнутые слова выделены курсивом. Примечания даны после каждого письма.

---

¹ Впервые опубли.: Из фондов Кабинета рукописей Российского института истории искусств. Сообщения и публикации. СПб., 2007. Вып. 4. С. 153–169.

Ленинград, 19.VII.65

(письмо напечатано на машинке)

Здравствуйте, дорогие Аня и Лариса!

Ваше письмо от 13.VII я получил только 19-го. Боюсь, что мой ответ уже не успеет, и потому отвечаю сквозь копирку на деревню¹ и на город одновременно. Вы меня очень обрадовали и тем, что работа ладится, и тем, что ничего не пишете о здоровье, значит, надо думать, все в порядке. Ваши материалы я изучу по возможности тщательно. Мы посвятим вашему рассказу и отчету специальное — может быть, расширенное — заседание. Хорошо, что вы фотографируете. Это расширит представление Ваших слушателей и читателей ваших материалов. Если вы дадите мне ленту, я ее охотно и проявлю, и напечатаю — у вас и так будет много работы, а я в этом деле опытен, и мне это доставит только удовольствие. Не жалейте, что вы без магнитофона, зато вы привезете больше. Никаких инструкций, кроме тех, которые вы получили на симпозиуме², я вам не дам, теперь все зависит от вас.

О жестоких романах и слезах³ поговорим, когда приедете.

Какие вы счастливые, что видите кусочек России и какой-то уголок русской жизни и ловите последние остатки уже уходящей старинной — а может быть, и ростки новой народнопоэтической культуры, в которую надо глубоко вникать, чтобы понимать, как она прекрасна и богата.

Спец.курс о сказке, о котором Вы просили, я готовлю⁴.

Желаю Вам успехов, бодрости и здоровья.

С большим приветом.

Ваш В. Пропп

Р. С. (от руки) Обнаружил, что в конверте есть еще вкладка с песней и добрыми пожеланиями ко мне. Песня интересна и записана хорошо. Ваш метод — записывать вдвоем — оправдывается⁵. Когда окрепнете (но не раньше), можно будет писать и в одиночку. До скорого свидания!

¹ Письмо отправлено в деревню Пáбережье Медвежьегорского района Карельской АССР «студенткам Ивлевой и Некрыловой». Здесь, на северном побережье Онежского озера, была наша основная база во время летней экспедиции 1965 г. Письмо застало нас в деревне, а по возвращении в Ленинград мы получили и ожидавшие нас копии.

² «Симпозиум» — сказано не совсем точно. Перед экспедицией, в апреле, мы были приглашены Владимиром Яковлевичем на консультацию, которая состоялась у него на квартире. Дело в том, что в начале 1960-х гг. студенты русского отделения филфака ЛГУ проходили диалектологическую практику в районах Русского Севера и Псковской области, фольклорные же экспедиции учебным планом не предусматривались. Наше желание записывать фольклор в естественных условиях поддержали В. Я. Пропп и В. В. Колесов (тогда молодой ученый, позднее — доктор филологических наук, зав.кафедрой русского языка

Ленинградского (Санкт-Петербургского) университета). Факультетские власти не разрешили заменить диалектологическую практику фольклорной, но было получено согласие на параллельное занятие тем и другим: мы имели право свободно перемещаться в пределах отведенного района и работать по своей программе, что и нас, и Владимира Яковлевича вполне устраивало. Поскольку сам Владимир Яковлевич, будучи классическим кабинетным ученым, никогда не принимал участия в фольклорных экспедициях, он пригласил в качестве консультантов опытных полевиков-фольклористов — Веру Викторовну Митрофанову из Пушкинского Дома и Изалия Иосифовича Земцовского. Симпозиума в полном смысле слова на этой памятной встрече не получилось, вместо урока, наставлений и пр. нам даровано было другое: знакомство с ведущими фольклористами, интересная и поучительная беседа о проблемах и задачах полевых исследований, с рассказами об исполнителях, о находках и неудачах, о деревенском быте и крестьянском строе мыслей по давним и свежим впечатлениям и пр. Разговор шел в основном за чаем, а завершилась встреча музицированием: И. И. Земцовский играл Шопена и Моцарта, В. Я. Пропп — что-то из любимого им Шумана. Надо сказать, что Владимир Яковлевич задолго и серьезно готовился к этому «заседанию» и замыслил провести его именно в таком виде (см.: Письма В. Я. Проппа к И. И. Земцовскому (подгот. к печати И. И. Земцовского // Из фондов Кабинета рукописей Российского института истории искусств. СПб., 2007. С. 125–152).

³ К своему удивлению, в Карелии мы столкнулись с чрезвычайно хорошей сохранностью, более того — с огромной популярностью жестоких романсов, которые исполнялись действительно со слезами. Как потом выяснилось, причин тому было немало, об этом, вероятно, и намеревался поговорить Владимир Яковлевич.

⁴ Спецкурс о русской сказке был прочитан Владимиром Яковлевичем в 1965/66 учебном году. По материалам спецкурса Владимир Яковлевич готовил книгу, которую не успел завершить. Издание было осуществлено спустя четырнадцать лет после его кончины: *Пропп В. Я. Русская сказка* / отв. ред. К. В. Чистов и В. И. Еремина. Л., 1984.

⁵ Следуя советам В. В. Митрофановой и И. И. Земцовского, мы записывали многие тексты «в две руки»: песни — через строчку или куплетно, прозу — по предложениям или небольшими кусками, а потом сводили записанное в единый текст.

2

4.9.65

<Открытка>

Дорогая Лариса! Мы с Аней созвонились и условились, что Вы с ней будете у меня в понедельник 6.9 в 7 ч. вечера. Принесите ленты. Если они еще не проявлены, я это сделаю очень быстро, у меня хорошо оборудованная домашняя лаборатория¹. Несите также все записи, мне хочется их посмотреть. Если Вы не сможете, позвоните мне (К-323-27) или Ане, или нам обоим.

Ваш В. Пропп

¹ Владимир Яковлевич любил фотографировать и печатать снимки, дома у него была настоящая маленькая фотолаборатория. Материалы экспедиции 1965 г., сданные нами в архив ИРЛИ, были снабжены большим количеством

фотографий, сделанных главным образом Владимиром Яковлевым. Он проявил наши пленки и напечатал снимки, многие — по меньшей мере в трех копиях (для иллюстрации корпуса материалов, сдаваемых в архив, и для каждой из нас).

3

Ленинград
12.IX.65

Дорогие Аня и Лариса!

Я просмотрел ваши материалы. В них много интересного, такого, о чем стоит поговорить. Вы много, хорошо и продуктивно поработали. Материал прекрасно оформлен. Но нужно еще одно, последнее усилие, чтобы довести дело до конца. Когда материал будет оформлен окончательно, я изучу его целиком медленно и внимательно¹. Пока я распределил его по населенным местам и исполнителям, получилось очень хорошо и наглядно. Но многое надо еще сделать.

Надо донести в чистом виде (на машинке или от руки) все то, что Вами еще не переписано. Частушки, оформленные на карточках, я дам машинистке для оформления их в том же виде, как и весь остальной материал². Надо на отдельных листах написать краткие характеристики исполнителей. Очень желательно дать краткие этнографические (в широком смысле этого слова) описания тех мест, в которых Вы побывали. Надо вмонтировать и подписать фотографии. У Вас было 5 лент по 36 кадров, что составило бы 180 кадров. При трех копиях это дало бы 540 отпечатков. Но я печатал не всё, получилось примерно 200 отпечатков. Надо выбрать все то, что непосредственно относится к экспедиции. Снимки по качеству очень разные. Один из удачных и характерных я посылаю. Я предполагаю поработать еще один раз, если Аня принесет свои ленты в любом виде. За час я делаю 50 оттисков. После всего надо сделать титульный лист и произвести пагинацию. Когда страницы будут пронумерованы, я погружусь в чтение. Ваш отчет я предлагаю поставить на семинаре 20 окт<ября>. Но закончить надо много раньше.

Я не буду Вас понукать и торопить, буду ждать, что в недалеком будущем Вы сами ко мне заявитесь.

Ваш Пропп

¹ «Читать медленно» — этому Владимир Яковлевич учил своих студентов и аспирантов, показывая, что медленное чтение есть исходный исследовательский метод фольклориста, что именно такое чтение позволяет вникнуть в фольклорный текст, что оно является предпосылкой понимания и осмысления фольклорного произведения (См.: *Земцовский. И. И.* Урок поэтики Владимира Яковлевича Проппа // Судьбы традиционной культуры: Памяти Ларисы Ивлевой. СПб., 1998. С. 45–55).

² В этом — весь Владимир Яковлевич, с его особой заботой о студентах, ненавязчивой, но очень существенной. В те годы практически ни у кого из нас не было печатной машинки, да и денег на то, чтобы отдавать материалы машинистке. В. Я. передал записанные нами частушки своей машинистке и, разумеется, расплатился с ней сам.

4

21.X.65

Дорогая Лариса!

Мы были очень огорчены, когда узнали, что Вы серьезно больны¹ и не сможете выступить с отчетным докладом об экспедиции. Поправляйтесь скорее! Если Вам предписано лежать — лежите, лежите спокойно, как бы это ни было скучно. Не думайте ни о чем, только о том, чтобы поправиться.

Аня выступила очень хорошо, дала яркую картину всей работы. Нашу аудиторию расшевелить, к сожалению, довольно трудно, но, кажется, они все же расшевелились.

Я дал развернутую и мотивированную оценку Вашей работы и Ваших материалов. Пусть Аня Вам об этом расскажет.

Нашей экспедицией интересуется Г. В. Иванов². Он было уже назначил Ваше выступление, но теперь мы отложили его до Вашего выздоровления. Вы будете иметь случай выступить перед более восприимчивой аудиторией, чем наш семинар.

Разрешили ли Вам индивидуальное расписание? Это было бы хорошо, только не слишком разбрасывайтесь.

Ваш В. Пропп

¹ Осенью 1965 г., едва начав заниматься на третьем курсе, Лариса вынуждена была надолго лечь в больницу. Владимир Яковлевич был очень огорчен и как мог поддерживал ее — письмами, советами, передачами, а также тем, что сообщал о жизни семинара, об успехах и трудностях своих учеников.

² Геннадий Владимирович Иванов (1931–2002) — кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русской литературы ЛГУ. Он сразу выделил Ларису как наиболее способную студентку и очень рассчитывал на ее участие в работе своего семинара.

5

1.V.1966

Дорогая Лариса!

Получил Ваше письмо и отнесся к нему очень серьезно, как к чему-то важному и большому. Большое Вам спасибо. Для меня это было настоящим праздником. Я почувствовал себя признанным от человека, чье признание мне дорого.

А Вы, бедняжка, в больнице — но это к лучшему. Вас подымут и поправят. Попробуйте для разнообразия на время применить метод безоговорочного подчинения врачам — может быть, оно

и поможет. Я знаю, что это не всегда помогает и что врачи бывают разные, — но попробовать надо¹. Надеюсь, что какие-то движения Вам будут позволены и что Вы сможете выходить в сад подышать весной. Сегодня вдруг выглянуло солнце.

Не можем ли мы Вам чем-нибудь помочь? Не надо ли Вам книг? Что Вам можно приносить из съедобного, что Вам хочется и чего Вам не хватает? Напишите, в каких условиях Вы находитесь и как себя чувствуете — но только, если это Вас не утомит.

Писать отдельно всем тем, кто за Вами следит, — несколько хлопотливо, но если Вы напишете хотя бы Ане, она мне всё подробно передаст. Пускают ли к Вам посетителей, и в какие дни и часы можно носить передачи? Пришлите адрес больницы. Поправляйтесь.

Ваш В. Пропп

¹ Владимир Яковлевич и здесь остается самим собой: даже по отношению к врачам у него были выработаны свои методы поведения, один из которых, проверенный на собственном опыте, — «метод безоговорочного подчинения». Владимир Яковлевич в последнее десятилетие своей жизни много и часто болел, лежал в разных больницах и потому столь хорошо понимал состояние человека, вынужденного долгое время находиться в больничных стенах.

6

Ленинград, 19 мая 66 <г.>

Дорогая Лариса!

Вчера получил Вашу открытку и очень обрадовался. Я вижу, что внутренне Вы живете интересами университета. Вот Вам сведения о том, как оценены курсовые работы (в том порядке, как сдавали)¹:

Ереги́на 4	Гладышева 3
Стратановский 4	Павлова 4
Каткова 4	Сухарджо 3
Павлова 4	Иванникова 5
Абдуллах 4	Секретарева 5
Тимм 4	Ефимова 3
Трильо 5	Пудова 4
Опарина 5	Березовская 4
Некрылова 5	Ивлева 5

Все студенты моего семинара интересные люди, когда узнаешь их поближе, и притом совсем разные. Есть только одна студентка, которая вызывает во мне отрицательные эмоции, — но фамилии ее я называть не буду — попробуйте отгадать, если это Вам интересно. Еще наблюдение: из шести отличников трое — вечерники. Я не верю в вечернее образование. Чтобы по-настоящему учиться, надо посвятить себя этому всецело. Исключения редки, в основном они

Воскресенье, 19 мая 66

Дорогая Мария!

Вчера получил Вашу открытку и очень обрадовался. Я думаю, что безусловно Вы найдете интересами университета. Хотел бы поделиться о том, как оценен уровень работы: (в том числе,

как сейчас)

Еренин 4

Сражанович 4

Рябова 4

Павлова 4

Авдучин 4

Валин 4

Ирину 5

Парина 5

Нестерова 5

Ивлева 5

Гайдукова 3

Павлова 4

Сурядова 3

Иванович 5

Ивлева 5

Скрябина 5

Егимова 3

Дубова 4

Ворожова 4

Все студенты моего

семейства интересны

мне, когда узнаю

их поближе, и узнаю

о них больше. Если только

одна студентка, которая

вышла из моего окружения

за последние годы - но

я думаю, что она

не будет - по крайней мере

не будет - по крайней мере

не будет - по крайней мере

не будет - по крайней мере

не будет - по крайней мере

интересно. Еще напомню: мы все обмениваемся

письмами. Я не беру в расчет свое участие. У-

А по поводу участия, надо посмотреть себе книгу

всего. Небольшой раздел, в основном они посвящены

той же работе по специальности, или просто под-

касаются тех, кто работает по специальности, кто жизненно подготовлен к вузу (напр<имер>, квалифицированная медсестра, обучающаяся в медвузе). Но жизнь показывает, что я не всегда прав. Секретарева работает в Токсове диспетчером товарных поездов, успешно воюет с грузчиками, но все это не помешало ей написать великолепную работу о Ермаке. При этом у нее еще doch 7 лет. Так я мог бы рассказать много интересного почти о всех.

Чую, что в больнице Вам довольно тоскливо, но это неизбежно. Вы увидите, что все люди делятся на две категории: одни считают высшим счастьем продуктивную деятельность (все равно, какую), другие считают высшим счастьем безделье. Есть множество разных переходных ступеней. Кто-то считает наиболее важным в жизни — разговоры. Этим и занимается. Не знаю, как сейчас, но когда я лежал, то самое тяжелое, это были разговоры, хотя люди, преданные этому занятию, и неплохие. Первые тоже говорят, но говорят содержательно, а вторые — впустую. Таких на свете большинство, они вообще счастливы и спокойны, а первые часто бывают не очень благополучны в быту. Но т<ак>к<ак> племя бездельников в целом (хотя и не всегда) довольно добродушно, то ладить с ними можно, и я в свое время ладил.

Хорошо, что Вы в светлой палате. Сейчас весна, и ее веянье, наверное, доходит и до Вас. Вчера я ездил за город. Копал грядки (я это люблю): из цветов я больше всего на свете люблю подснежники². В понедельник мы выезжаем в Репино. В городе я стараюсь бывать реже, но Вы мне пишите по городскому адресу. Пишите о себе. Я буду Вам отвечать, хотя и не обещаю, что буду это делать очень регулярно. Как Вы там питаетесь? Что Вам можно и что нельзя? Нет ли у Вас каких-нибудь желаний?

Выздоровливайте.

Ваш В. Пропп

М-66

Московский пр., 197, кв. 126.

Тел. К-323-27.

¹ Здесь перечислены студенты 3-го и 4-го курсов, которые посещали семинар Владимира Яковлевича и писали курсовые работы по фольклору. Большинство из них совершенно выпали из моей памяти, о других остались отрывочные сведения. Татьяна Ерегина и Людмила Павлова учились на 3-м курсе, как и Сергей Георгиевич Стратановский (уже в те годы обративший на себя внимание поэт, впоследствии занявший видное место в плеяде ленинградских-петербургских поэтов). Татьяна Петровна Пудова — студентка, переведшаяся на русское отделение с германского; позднее, выйдя замуж за итальянца (что тогда было большой редкостью), она уехала в Италию, где в течение многих лет преподавала русский язык и литературу в университете г. Павия.

² О подснежниках есть удивительные строки в дневнике Владимира Яковлевича (от 7.V.65): «Ездили с женой в Репино. Подснежники у опушки еще коротенькие, первые. Подснежники — самые совершенные цветы. Их форма —

абстрактное и полное совершенство. <...> Подснежники — прообраз человеческой души в ее нежном совершенстве. Такими могут быть очень чистые, очень тихие и добрые девушки. И такие есть. <...> В душе звучит Е-dur-ная мелодия Шуберта» (*Пропт В. Я. Дневник старости. 1962–196...* / публ. А. Н. Мартыновой, предисл. Б. Н. Путилова // Неизвестный В. Я. Пропт. СПб., 2002. С. 311).

7

22.V.66

Дорогая Лариса! Сегодня собирался в больницу, но вместо этого сам слег. У меня ангина + бронхит, выходить не могу.

Аню вызывали в редакцию «Вестника»¹. Ваша статья пойдет, но приказали умолчать о неграмотности, об отсутствии света и магазинов и кое о чем другом. О колыбельных, в которых желают смерти, приказали добавить, что таких песен не поют и что они были пропеты по просьбе собирателей. Они в издательстве вместе с Деркачом² и с Аней всё это переправили, и теперь статья перепечатывается. Так, дополнительно к тому, что студенты получают на занятиях, их воспитывают помимо их и в совершенно ином направлении.

Староверова и Немнонова подали свои дипломные работы. Беккер, по обыкновению, опаздывает³.

Желаю Вам скорейшего выздоровления.

Ваш В. Пропт

¹ Отчет об экспедиции в Карелию по рекомендации Владимира Яковлевича был опубликован в «Вестнике Ленинградского университета» (1966. № 14. Сер. истории, языка и литературы. Вып. 3. С. 158–159). Это была наша первая публикация. Гордые за свой материал и наивные в плане существовавших в ту пору требований к печатному слову, мы не подозревали, сколь сложным будет общение с редакторами-цензорами. Пришлось убирать строки о реалиях жизни в тогдашней деревне и умалчивать о целом ряде бытовавших жанров и произведений фольклора, ничего не говорить о наших подлинных впечатлениях и т. д.

² Большую помощь в работе над текстом статьи оказал мне (Лариса тогда лежала в больнице) *Самуил Самуилович Деркач* (1906–1986). Очень просто, но достаточно убедительно он доказывал необходимость правок, учил, как можно писать нейтральным языком, не искажая фактов и не впадая в ложь. Кстати, замечу, что все разговоры мои шли только с ним; он, видимо, хорошо понимал, что такое молодость и горячность студентов, да еще веривших в наступившую политическую оттепель, и по-своему оберегал нас, ограждая от бесед и споров со штатными редакторами. Сам прошедший через советские лагеря (был обвинен по «ленинградскому делу»), он знал ту обстановку, в которой жили крестьяне Медвежьегорского района, — ведь там была одна из печально известных зон ГУЛАГа. В 1930-е гг. из окрестных деревень забирали мужчин для вырубки леса и строительства лагерей, причем едва ли не все из них становились первыми узниками этих лагерей, правда в несколько привилегированном положении: были истопниками, работали на кухне и пр. Понятно, что местное население, особенно старшее поколение, и в 1960-е гг. пребывало в страхе, нередко отказываясь петь и рассказывать, чтобы (не дай Бог!) не узнали об этом в Москве (!)

и Медвежьегорске. Очень распространены и популярны были тюремные песни, старинные и новые; рассказы о разбойниках; продолжали жить причитания, звучавшие по всем трагическим случаям и при расставаниях. Кстати, именно здесь нам довелось записывать и колыбельные, призывавшие смерть младенцу.

³ *Татьяна Староверова* — ученица В. Я. Проппа, преподаватель фольклора в Новокузнецком педагогическом институте. *Валентина Николаевна Немнонова*, успешно закончив ЛГУ, долгое время работала редактором в издательстве «Наука». *Рахиль (Роза) Израилевна Беккер* стала учителем литературы, одним из наиболее уважаемых и авторитетных в Санкт-Петербурге.

8

2.VI.66

Милая Лариса! Я получил Ваше письмо, из которого видно, что Вам трудно. Ваш привет Генн<адию> Владимировичу¹ я передал. Он просит передать Вам обратный привет вместе с некоторыми несомненно полезными нравоучениями. Лично я думаю, что от больницы надо взять всё, что она может дать, — только этим и можно утешиться.

Немнонова и Староверова защитили блестяще. От Немноновой я ничего другого и не ждал, а Староверова написала прекрасную работу несколько для меня неожиданно. Было празднично и хорошо. Было много великолепных работ самого разного содержания. Хотя мы и ругаем иногда студентов (за дело), но все же я был просто восхищен — сколько мысли и сколько работы! Были цветы и вообще это был праздник. Из семинара никого не было. Аня хотела быть, но не пришла.

Сегодня я постараюсь передать Вам передачу, но если это не удастся, я pošлю это письмо по почте. Не перевели ли Вас в отделение ларингологии?

Я уже на даче, поэтому не сразу Вам ответил. Чувствую я себя лучше, могу уже работать, но холод и мокрота меня угнетают. Я хотел бы лежать и лежать... Очень устал. Сегодня выглянуло солнце. Пишите мне коротенькие бюллетени о здоровье. Мне очень хочется Вам хоть чем-нибудь помочь, но не знаю, чем. Посоветуйте!

Ваш В. Пропп

¹ *Геннадий Владимирович Иванов* — см. примеч. 2 к письму 4.

9

12.VI.66

Дорогая Лариса!

Не только по тому, что Вы пишете, но и по почерку и по всему тону Вашего письма от 11.VI я вижу, что Вам лучше. Важно еще, что Вы хотите выздороветь, а по собственному опыту я знаю, что воля к здоровью хотя и не всегда вылечивает от болезней, но очень помогает. Особенно это важно для сердечников. Врачи больше боятся болезни, чем больные. Удалить миндалины хорошо, но можно

РА ДУ ГА

Творческий
клуб
газеты

Выпуск
восьмой

СКАЗКА порождает челове-
ка? От рождения до самой
смерти. В детстве люди, давая
детиам свои рассказы, затем
рассказывают своим детям и вну-
кам. Так было очень давно, и
всегда для детей и взрослых бы-
ло все ново и интересно в этих
сказках.

Но в 1985 году родился совсем
особенный человек. Для него и
сказка была совершенно не ин-
тересна. И что это такое — из-
быток на бумаге покаяний, и что
такое сама сказка, и как она со-
здавалась.

Он окончил университет, ра-
ботал десять лет учителем в школе
и, казалось, исполнил задачу от
слова к слову. Но учрания ти-
сачи вопросов остались, росе за
свои что даже в дете, пока не по-
няла, что это и есть, что призвание
в работе, и его долг на земле.

Работая по долгу, и работая
одна, а потом пошла в комиссию
при Академии наук СССР и про-
читала свой рассказ «Мордовина»
сказки одобрили, назвали. И что
многие ученые замолчали

сказкой, труда неизвестного учите-
ля школы для философов то, что
для химии периодическая система
Менделеева.

Учитель Пропп разложил сказ-
ки на системы, доказав по мно-
жествам, обобщил и создал теорию

РЕАЛЬНЫЙ МИР СКАЗКИ

ЧЕРКА

стории сказки. За эту книгу
ему присвоили звание кандидата
наук и потом прислаивали препода-
вателя в университет.

И сейчас, когда стало очень
обширно и даже модно расска-
зывать все на занятиях, эту кни-
гу платят всле, даже в Австра-
лии, а преподаватели университе-
та В. Я. Проппа называют
клеткой формализма (она вовсе не
обобщающая, а скрупулезное разло-
жение предмета само по себе, в этой
области науки), а он возмущается.

Печать, для него это был
первый шаг, ступенька к более
глубокому изучению своего на-
правления, переводим в «Историческом
журнале» сказку.

Сразу после войны, в 1945 го-
ду, вышло еще одна его книга
«Героический эпос» — одна из
много была. За нее удосто-
или его званием доктора наук.

Слова сказки приводят беско-
нечность от читателей, высказы-
вание и графическое, дитяе про-
исхождение сказки и жеста. Но
профессор В. Я. Пропп не смог
расставить от «Исторической
непосредственности и определенности
от народных преданий, восточ-
но. Они для него не существова-
ли, просто рассказывали. Для не-
го слава, пожалуй, просто неле-
пыми были восточные, люди
или как их трагедия, все новое

много тех, кто доводило оказыва-
ть, кто нуждается в помощи.

Но отменяли его и издатель-
ство. Он остался жить в
одной небольшой комнате на углу
кабинет, надо было выставить
студ, потом вынести его обзаве-
стить, поехать на нем. Там же
сложно было и выйти из кабинета.

Профессора это как-то уни-
тельно не касалось. Если от вы-
вета было против, некоторые от-
борились, и через некоторое вре-
мя становились собственными
обширными файлами.

Когда ему приложили кучу
помогать, квартиру, он асту-

гас. — Но невозможно за это!
Это сказало, возможно, и о
большом образовании. Дату
комната квартира — это значит
плотный, несколько раз бываю-
щий, для книг, для репродукций, для
библиотек и значит, будет куча
большой против для профессора
музыки, которую его рука пере-
сказывала, из стремления
платить.

Профессор не выносит в уни-
верситет, не студента, не ученика.
Для него важно, чтобы человек по-

привалел делом. Серьезность
состоится и нем с милостью, ду-
шевностью. Хотел академик быть
установленным, уполномочен.

— Малюка, ну хоть что-нибудь
скажи.

А через несколько минут про-
фессору уже все достало челове-
ка, проливающего немалый труд,
небольшого его оформившего. Он
кричал, но в тайне, молвил, а в
его горло самой толстой не дава-
лось, но делалось, и он делал, что
хотел сказать. «Профессор, я не
могу описать, мучу».

Он никогда не навешивает сло-
ва, не пишет своего мнения, не
в ту область науки, которой за-
нимался сам, не берет право
решить о том, что, по его мнению,
недостаточно знает, достаточно
для этого специалиста.

Его никто не забывает, не из-
вест, кто ставил его мнение, но из-
вест, кто говорил с ним кто один
раз. И он никого не забывает.
Особенно тех, кто учился и омы-
чал, кто потянулся к нему.

Относится к нему все как-то
по-особенному бережно и саво, а
его расхождением доктор, как
своей личной сказкой.

На консултации к нему ездят
дочери. Он считает, что так мно-
го внимания каждому ученику, и
помощь будет положительной.

На его студенческие годы за-
нимались изучением фольклорных
адаптов, но учить глубоко, по-
лучать интересные знания, по-
лучать сопоставления различных на-
правлениях произведений. И воспри-
имчивость, и доброту его, учение

обучение, а как научная работа.
Тут же Вадимовича Вадимовича
Проппа — это разбор самых сло-
вных и мифических, и сказочных
элементов той же сказки. Осо-
бенно того, что нем была та-
сиче лет назад, открытые нашего
прошлого и настоящего.

Д. ЧЕРКАШИН,
студентка-журналистка

это сделать и позже. Если Вы действительно сможете ехать в экспедицию, то не поезжайте одна. Снеситесь с Аней. Если Вы поедете с ней, я буду спокоен за Вас. Она человек организованный и разумный и в случае необходимости сможет Вам помочь. Но это еще далеко, думать об этом рано.

На этой неделе я не смогу быть в больнице. Мы с Бялым¹ и его женой едем в Петрозаводск. Он — принимать гос. экзамены, а его бы оттуда махнуть в Кизи на несколько дней. На один день туда приедет и Бялый. Он недавно женился и очень внимателен к жене, как и она к нему. Она вдова с двумя детьми, и он очень заботится о детях. Роза Беккер защитила так же хорошо, как и другие мои студенты, но волновалась так, что после каждого слова глотала воздух². Были ее родители — это первый такой случай в моей многолетней практике. Очень характерные и совсем больные старички. Это означает, что Роза нежна с родителями и они с ней. В наши дни это бывает не очень часто. Я говорил с ее отцом. Его круглое лицо блестело от счастья.

Тамара³ мне не ответила на письмо и передачу — и теперь я знаю, почему. Она лежит пластом. Бедная девочка! Я сегодня ей тоже пишу. Диагноз благоприятный, только в этом утешение.

Посылаю Вам вырезку из газеты «Ленинградский университет» от 10.VI. Студентка Черкашина никогда не слушала моих лекций, но ей поручили в связи с выдвижением меня в ака-

демики⁴ что-нибудь обо мне написать. Я сказал ей, что можно прочесть о моих трудах (она не воспользовалась и безбожно напутала даты и пр.), она выдумала, что меня будто бы издавали в Австралии и т. д. Данные обо мне как о преподавателе она получила от Ани. Но Аня, конечно, не помнит об этой статье. И все же что-то эта студентка уловила из того, как я хотел жить и как жил и как относился по-разному к разным людям. Кроме Вас, я никому эту статью не показываю. В больнице Вам будет занятно ее прочитать.

До свидания! Следующее письмо будет не очень скоро — из Кижей или из Петрозаводска. Вернусь я к концу месяца и надеюсь найти у себя письмо от Вас, что Вам делается всё лучше и лучше.

Ваш всегда В. Пропп

¹ Григорий Абрамович Бялый (1905–1987) — профессор кафедры русской литературы филологического факультета ЛГУ, «друг Владимира Яковлевича с военных лет, один из самых ярких и популярных лекторов филфака, слушать которого приходили и давние выпускники, и молодые учителя, и люди, не имевшие никакого отношения к профессиональному занятию литературоведением» (Письма В. Я. Проппа к И. И. Земцовскому. С. 133 (примеч. 7 к письму 8)).

² Дипломная работа Р. Беккер — «Русская сказка “Чудо-дудочка”». См. примеч. 3 к письму 7.

³ Тамара — студентка В. Я. Проппа, о ее судьбе я ничего не знаю.

⁴ В 1966 г. В. Я. Пропп был выдвинут на соискание звания члена-корреспондента АН СССР, но в высоких академических инстанциях его кандидатура не была поддержана. Владимир Яковлевич был уверен в таком решении и, кажется, само выдвижение, как он пишет, «в академики», воспринимал несерьезно. В письме к Н. А. Криничной он писал: «Я не пройду; другие претенденты ведут большую общественную работу» (*Криничная Н. А. Наш долгий семинар // RussianStudies: Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб., 1995. Vol. 1, № 3. С. 391*).

10

28.VI.66

Здравствуйте, дорогая Лариса! Вы меня очень обрадовали Вашим письмом, которое я получил в день приезда из Петрозаводска. Вы не поддаетесь болезни ни морально, ни нервно, ни физически. Умница! Так и надо. Помогаете сестрам¹ и делаете, что можете. Из письма я заключаю, что почти здоровы, ходите по зданию и в сад. День выписки уже близок. Мне понравилось также, что в будущем Вы хотите быть осторожней, чтобы такие срывы больше не повторялись. Еще мне понравилась строка: «Я никому не прощаю неточностей». Узнаю свою единомышленницу. Сафронов (зам. декана) выразил восхищение статьей в «Лен<инградском> унив<ерситете>». Я ему: а Вы знаете, сколько там вранья? А он: ничего, зато так тепло написано! Отсюда видно, что газетное вранье оправдывается высшими целями и соображениями.

Я был в Петрозавдске вместе с Г. А. Бялым, который ездил туда принимать гос. экзамены. Оттуда мы махнули в Кижы. Были еще Ямпольский² с женой, Муратов³ с женой, Путилов с женой⁴, Нила Криничная⁵. В тот же день все вернулись обратно, а я остался еще на 4 дня в Кижях и пробыл там совсем один, вдыхая это чудо русского крестьянского искусства. Поездка была совершенно феерической, подробности я Вам расскажу, когда Вас увижу. Сейчас я делаю фотографии, которые не дают никакого представления о том, что есть на самом деле. Нила и ее жених⁶ (у которых я жил) заботились обо мне как об отце, она варила обеды и пр. и пр. На обратном пути мы с ней побывали в Кондопоге⁷, где имеется изумительный деревянный храм. Все эти здания объединены общностью северного стиля, и все притом совершенно разные. Я в полном восхищении.

До скорого свидания!

Ваш В. Пропп

¹ Лариса Михайловна хорошо разбиралась в медицине, лекарствах и препаратах, профессионально делала уколы, накладывала повязки, можно сказать, она была замечательной сестрой милосердия. Владимиру Яковлевичу это было понятно и близко. Напомню, что во время Первой мировой войны студент историко-филологического факультета Петербургского университета Владимир Пропп добровольно пошел работать санитаром в один из лазаретов на Васильевском острове, а в 1915 г. закончил шестинедельные курсы «оказания первой помощи и ухода за больными», успешно сдав экзамены по анатомии, физиологии, хирургии и другим предметам.

² *Исаак Григорьевич Ямпольский* (1902–1992) — в 1966 г. доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы ЛГУ.

³ *Аскольд Борисович Муратов* (1937–2007) — в 1966 г. молодой преподаватель, после защиты кандидатской диссертации (1964) принятый на кафедру истории русской литературы ЛГУ; позднее — доктор филологических наук, заведующий этой кафедрой, выдающийся ученый-литературовед.

⁴ *Борис Николаевич Путилов* (1919–1997) — доктор исторических наук, крупнейший отечественный фольклорист, ближайший последователь и соратник В. Я. Проппа. С 1954 по 1967 г. работал в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, где с 1957 г. заведовал сектором фольклора. В 1967 г. ушел из Пушкинского Дома в Институт этнографии (ныне Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН). *Евгения Оскаровна Путилова* (1923–2018) — доктор филологических наук, специалист в области детской литературы

⁵ *Неонила Артемовна Криничная* (1938–2019) — ученица Владимира Яковлевича, доктор филологических наук. Жила и работала в Петрозавдске, многие годы заведовала сектором фольклора Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

⁶ *Виктор Иванович Пулькин* (1941–2008) — муж Н. А. Криничной, известный писатель, фольклорист. Работал в Кижском музее-заповеднике.

⁷ Кондопога — город недалеко от Петрозавдска; был знаменит своим уникальным деревянным шатровым храмом Успения Божией Матери (1774 г.); к сожалению, церковь уничтожена вследствие пожара в августе 2018 г.

Дорогая Лариса!

Приехав из Репина, нашел здесь Ваше письмо, за которое Вам большое сердечное спасибо. Из него я вижу, что до Вас не дошло два моих послания: привет из Кижей и более или менее подробный рассказ о моей поездке. Вы написались раньше, чем я думал. Во-первых, хочу Вас поздравить с возвращением к свободе! Вы еще не совсем здоровы, но на пути к выздоровлению. Теперь Вам нужен еще полный покой на воздухе. Что это значит, я испытал в Кижях. Три-четыре дня на воздухе сделали чудеса. Я вдруг избавился от всех своих недугов. Но тут важно еще другое: полная беззаботность, к тому же хорошее настроение, диктуемое обстановкой. Санатория, дача только частично могут это дать. Я, как зачарованный, бродил по острову и вдыхал культуру Древней Руси, я как бы общался с теми необыкновенными, простыми людьми, которые создали такое искусство. Обо всем этом расскажу устно.

Академический отпуск Вам, конечно, нужен. Вы в течение года будете пользоваться полной свободой, ходить (или не ходить) на лекции и занятия, какие хотите, или сидеть дома и писать и читать, или ходить по музеям Пользуйтесь этим!

Об экспедиции я знал от Ани, которая была у меня. Едут она и Стратановский, двух первокурсниц, мне незнакомых, подсунула Колесницкая¹, о чем я узнал от Ани. Экспедиция от Вас не уйдет в будущем.

Тамару я от души жалею. На письма, приветы и передачи она мне не отвечает.

Сегодня я приехал, чтобы послушать «Волшебную флейту» Моцарта. Моцарт — бог моей юности². Я люблю его за светлость, мелодию, прозрачность, а также за глубину и трагичность. По-моему, Вы очень музыкальны. Я определил это сразу, как только услышал, как Вы воспроизводите слышанный Вами народный напев.

Выздоровливайте, Лариса. Если будет охота, пишите краткие релиации о себе и своем здоровье.

Ваш В. Пропп

¹ *Ирина Михайловна Колесницкая* (1917–1994) — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы филологического факультета ЛГУ. После ухода на пенсию В. Я. Проппа читала курс фольклора.

² См. статью-воспоминание И. И. Земцовского «Пропп-музыкант» // *Неизвестный В. Я. Пропп*. С. 448–451.

Спасибо Вам, дорогая Лариса, что меня не забываете. Ваше письмо меня очень обрадовало. Вы благополучно вернулись, много

видели, приняли, пережили и кое-что привезли, что можно показать. Хорошо!

Я сейчас за городом, вернусь ок^{<оло>} 28-го и тогда или позже, как Вам удобно, буду Вас ждать с материалами и впечатлениями. Я понимаю всё то, что Вы пишете о природе.

В прошлом году я не брал дипломантов, т^{<ак>}к^{<ак>} моих семинаристов было больше 10-ти человек, всех я взять не мог, а выбирать — значит кого-то обидеть. В этом году у меня нет ни одного. Если найдутся, я возьму, но не более 2–3-х.

Еще раз спасибо за письмо!

Ваш В.Пропп

13

2.I.69

Дорогая Лариса!

Меня очень обрадовало и тронуло Ваше поздравление. Вам желаю здоровья, счастья, благополучно кончить университет. Будет желание — приходите ко мне на консультацию — я всегда очень рад Вас видеть. Вы моя самая миленькая, последняя — больше у меня дипломантов не будет.

Ваш В. Пропп

14

13.VII.69

Дорогая Лариса!

Приехав вчера с дачи, нашел здесь Ваше письмо.

Я очень счастлив за Вас, что Вас никуда не посылают¹. Теперь Вам надо хорошо отдохнуть физически и морально и поправиться. Кто эти энергичные друзья, которые Вам помогли? Как хорошо! Все остальное (работа и пр.) приложится. Путилов² уехал в командировку, кажется — в Югославию. До осени движения в Вашем деле (статья) не будет². С ним я имел телефонный разговор. Он о Вас знает всё, что надо.

Поступить в аспирантуру Пушкинского Дома можно, конечно, попробовать, если только у них будет вакансия, в чем я очень сомневаюсь. От них ушел последний доктор (Викт^{<ор>}Евг^{<еньевич>} Гусев⁴), единственный возможный руководитель — сам Базанов⁵. Он руководил Майей Чередниковой⁶, поговорите с ней. Если Вы с ней незнакомы, сошлитесь на меня. С ней можно говорить без обиняков.

Об экспедиционных материалах не беспокойтесь — придет время, Вы их оформите. Сейчас надо сбросить с себя все заботы и отдыхать.

Спасибо за заботы о моем здоровье. В моем возрасте появляются всякие недуги — это нормально, и я очень мало о них беспокоюсь.

Миша очень, очень медленно, но все же поправляется⁷. Температура все еще повышенная, но ему уже позволили встать с постели и подходить к окну. Держится он прекрасно, не унывает, к моему удивлению, беспрекословно выполняет все предписания врачей.

Надеюсь осенью увидеть Вас пополневшей и поздоровевшей.
Ваш В. Пропп

¹ Речь идет о существовавшей в то время системе распределения выпускников вузов, которые в обязательном порядке должны были отработать в течение трех лет там, куда их посылало руководство. Филологи обычно направлялись в самые глухие места, в сельские школы, не укомплектованные преподавательскими кадрами, не снабженные учебниками, наглядными пособиями, без самой необходимой, предусмотренной школьной программой, литературы и т. д. Молодым учителям приходилось вести едва ли не все гуманитарные предметы. Вдобавок они не обеспечивались жильем, им приходилось «снимать углы» или жить в общежитии без горячей воды, без нормальной кухни, нередко без водопровода и с печным отоплением; во многих поселках не было магазинов.

² Б. Н. Путилов (см. примеч. 4 к письму 10) с 1964 по 1974 г. регулярно принимал участие в съездах славистов и славистических конференциях, проходивших в Югославии, Болгарии, Польше, Чехословакии, Украине, Белоруссии; в Югославии проводил и полевую работу.

³ Владимир Яковлевич говорил с Б. Н. Путиловым относительно публикации статьи Ларисы Михайловны, основанной на ее дипломном сочинении. См.: *Ивлева Л. М.* Скоморошины (общие проблемы изучения) // *Славянский фольклор* / отв. ред. Б. Н. Путилов и В. К. Соколова. М., 1972. С. 110–124.

⁴ *Виктор Евгеньевич Гусев* (1918–2002) — доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель искусств РСФСР. Работал в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН с 1955 по 1969 г. С 1969 г. — проректор по научной работе ЛПИТМиКа, заведующий возрожденной им секцией фольклора. Выполняя просьбу Владимира Яковлевича, Виктор Евгеньевич принял в этот сектор меня и чуть позднее — Ларису Ивлеву.

⁵ *Василий Григорьевич Базанов* (1911–1981) — литературовед и фольклорист, член-корреспондент АН СССР. В те годы директор ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР.

⁶ *Маша Павловна Чередникова* (1940–2023) — ученица В. Я. Проппа, доктор филологических наук, профессор, с 1974 г. работала в Ульяновском государственном педагогическом университете, более 40 лет руководила фольклорно-этнографическими экспедициями.

⁷ Речь идет о сыне Владимира Яковлевича — Михаиле (1937–2018), который пять месяцев пролежал в больнице с сепсисом.

Дорогая Лариса! Это — первое письмо, которое я пишу сам¹. Я хочу Вас глубоко, глубоко и от всей души поблагодарить за всю Вашу ласку, за доброту и участливость, которых я не забуду всю жизнь.

О себе писать нечего. Я ужасно скучаю душой. Ничего не думаю и думать не могу. Я только с тоской жду дня своего освобождения. Смотрю в окно, вижу верхушки деревьев.

Напишите о себе, что Вы делаете, чем живете и какие у Вас планы. Писать лучше на дом, мне принесут. Я Вам отвечу, хотя, м^{ожет} быть, и не сразу.

У меня хороший врач.

Ваш В. Я.

¹ Это последнее письмо Владимира Яковлевича Ларисе Ивлевой. Тон его, по сути, прощальный, хотя слова оптимистические.